

Л.Д. Оганисян*

САНКЦИИ В ДИСКУРСЕ БРИКС

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

В настоящий момент разнообразные санкционные меры являются одними из самых активно используемых инструментов в арсенале ведущих акторов мировой политики. При этом и объектом их применения, и, во всё большей мере, субъектом становятся страны Глобального Юга. Наиболее ярко обе эти тенденции демонстрируют государства, формирующие ядро БРИКС. Данная статья преследует цель выявить ключевые особенности многомерного дискурса о санкциях в рамках этого неформального объединения. В первом разделе рассмотрено отношение ключевых стран — участниц БРИКС к применению односторонних и международных санкций, которое затем транслируется на уровень всего объединения, в значительной мере определяя его повестку в данной сфере. Показано, что, продолжая официально осуждать практику односторонних ограничительных мер, ряд стран БРИКС также начинают всё более активно использовать разнообразные автономные рестрикции: обычно неформальные (санкции под другими названиями), но в последние годы всё чаще и формальные. Во втором разделе выявлены ключевые элементы дискурса о санкциях в рамках БРИКС в целом. Одним из важнейших его нарративов, по мнению автора, является идея о недопустимо высоком «сопутствующем ущербе», наносимом санкциями населению государства-объекта, а также третьим странам, особенно развивающимся. Третий раздел посвящен изучению новых тенденций в подходах участников БРИКС к проблематике санкций в условиях расширения применения западными субъектами в последние годы вторичных рестрикций и прихода к власти в США администрации Д. Трампа, усилившего давление на страны объединения. Автор заключает, что, хотя усиление давления со стороны Вашингтона и повышает вероят-

* *Оганисян Лиди Давидовна* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН (e-mail: lidaoganisyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

ность выработки согласованной линии стран БРИКС, направленной на минимизацию ущерба от санкций, на сегодняшний день говорить об их готовности выступать единым фронтом против односторонних санкций Запада и тем более прямо противодействовать им не приходится. Тем не менее даже эта, очень умеренная, позиция БРИКС в вопросах санкционной политики вносит свой вклад в продвижение и укрепление дискурса о необходимости формирования нового, более справедливого полицентричного мирового порядка.

Ключевые слова: международные санкции, односторонние санкции, вторичные санкции, рестриктивные меры, БРИКС, БРИКС+, Глобальный Юг, Глобальное большинство, сопутствующий ущерб

Для цитирования: Оганисян Л.Д. Санкции в дискурсе БРИКС // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 33–61. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-33-61.

Lida D. Oganisyan

SANCTIONS IN THE BRICS DISCOURSE

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997*

Currently, various restrictive measures are among the most actively used tools in the arsenal of leading actors in world politics. The countries of the Global South are both the object and, increasingly, the subject of their application. The most notable examples are the states that form the core of the BRICS. This article identifies the key features of the multidimensional discourse on sanctions within this informal association. The first section examines the attitude of key BRICS member countries towards the use of unilateral and international sanctions, which is then projected onto the level of the entire association, largely determining its agenda in this sphere. As shown, while still officially condemning the practice of unilateral restrictive measures, a number of BRICS countries are increasingly employing various autonomous restrictions: typically informal sanctions (sanctions under other names), but in recent years more and more often formal ones as well. The second section identifies the key elements of the discourse on sanctions within BRICS as a whole. According to the author, one of its most important narratives is the idea of the unacceptably high ‘collateral damage’ inflicted by sanctions on the target state’s population, as well as on third countries, particularly developing ones. The third section examines new

trends in the approaches of BRICS members to sanctions amidst the expanded use of secondary restrictions by Western actors in recent years and the Trump administration's rise to power in the United States, which intensified pressure on the BRICS countries. The author concludes that although this pressure could stimulate the development of a coordinated policy among the BRICS countries aimed at minimizing damage from sanctions, as of today, there is no indication that the association is ready to speak with one voice against Western unilateral sanctions, let alone directly counter them. Nevertheless, even this moderate BRICS position on sanctions contributes to advancing and strengthening the discourse on the need to form a new, more just, polycentric world order.

Keywords: international sanctions, unilateral sanctions, secondary sanctions, restrictive measures, BRICS, BRICS+, Global South, Global Majority, collateral damage

About the author: Lida D. Oganisyan — PhD (Political Science), Senior Research Fellow at the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: lidaoganisyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

For citation: Oganisyan, L.D. (2026) 'Sanctions in the BRICS discourse', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 33–61. Available at: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-33-61>. (In Russian.)

Объединение БРИКС возникло как неформальный форум развивающихся государств для обсуждения проблем реформирования международных финансовых институтов, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, включая вопросы представительства в этих организациях и общие принципы их функционирования. Мировой кризис, рост недоверия к существующей финансовой системе, относительное ослабление американского лидерства в международных делах стали драйверами активизации развивающихся стран и усиления кооперации между ними во имя достижения общей цели — формирования более справедливого мирового экономического порядка, который бы отражал их интересы. Цель, несомненно, была амбициозная, но весьма адекватная международным реалиям того времени. Финансовое цунами 2008 г., сильно ударив по развитым странам, выдвинуло на первый план «Группу двадцати», продемонстрировав, что решение мировых экономических проблем нужно искать в более широких

и инклюзивных форматах. И в тот турбулентный период, в 2009 г., состоялся первый саммит БРИК.

Аббревиатура «БРИК», появившись в 2001 г. с легкой руки главного экономиста «Goldman Sachs» Дж. О’Нила¹, раньше, чем возникло само объединение, обозначила группу крупных быстроразвивающихся стран, обладающих потенциалом стать «кирпичами» (*bricks*) мировой экономики, драйверами ее роста. Однако стремление этих государств к сотрудничеству наметилось еще во второй половине 1990-х гг., когда министр иностранных дел, а затем премьер-министр России Е.М. Примаков выдвинул концепцию «многополярного мира» и идею «стратегического треугольника» России, Индии и Китая (РИК) [Дынкин, 2024]. В 2006 г. прошли министерские встречи в формате БРИК (с подключением Бразилии), а уже в 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит объединения. В 2011 г. к нему официально присоединилась ЮАР, и группа получила наименование БРИКС. В 2024 г. число ее участников дополнили Египет, Эфиопия, Иран и ОАЭ, в 2025 г. — Индонезия (БРИКС+).

За прошедшие годы БРИКС/БРИКС+ превратился во влиятельный неформальный форум глобального управления, объединение единомышленников, стремящихся и способных повлиять на трансформацию миропорядка. На сегодняшний день взаимодействие стран БРИКС/БРИКС+ осуществляется в различных сферах — от борьбы с терроризмом и изменением климата до сотрудничества в экономике, финансах и торговле. С момента создания объединения состоялось 17 саммитов. Наиболее обсуждаемыми темами в рамках формата являются формирование полицентричного миропорядка, реформирование мировой финансовой системы, укрепление различных аспектов международной и региональной безопасности, а также содействие развитию. С 2010-х гг. по мере расширения применения ограничительных мер и непосредственно односторонних санкций преимущественно западными субъектами против ряда стран БРИКС и их партнеров данная проблематика также вошла в дискурс объединения. С 2013 г. в итоговых декларациях его саммитов неизменно поднимается проблема применения односторонних

¹ O’Neill J. Building better global economic BRICs // Global Economics Paper No. 66. 30.11.2001. URL: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2013/04/build-better-brics.pdf> (accessed: 05.03.2026).

санкций и подчеркивается позиция стран-участниц относительно широкого круга ее аспектов.

Тема БРИКС с момента появления этой группы вызывает большой научный интерес. Массив публикаций по различным вопросам ее функционирования и деятельности, роли и значения в международных процессах насчитывает тысячи наименований. Сущность объединения, специфика его работы и перспективы развития формата [см., например: Панова, 2013; Толорая, Чуков, 2016; Хейфец, 2010; Stuenkel, 2015; Thakur, 2014; Wang, Long, 2024], динамика взаимодействия стран-участниц на приоритетных для группы направлениях и роль БРИКС в глобальном управлении [см., например: Лисоволик, 2023; Хейфец, 2024; BRICS and global governance, 2018; Cooper, Farooq, 2013; Nayyar, 2016] всесторонне исследованы представителями отечественного и зарубежных научных сообществ. Изучены и различные нарративы в политическом дискурсе стран БРИКС [см., например: Кошкарова и др., 2025; Новикова, Алексеева, 2025; Солопова, Кошкарова, 2024; Andal, Muratshina, 2022; Van Noort, 2019]. Однако вопросы, связанные с дискурсом о санкциях, хотя и не центральным в рамках объединения, но приобретающим в последние годы всё большее значение, что отражает более широкое применение односторонних рестрикций, оказались вне поля зрения исследователей.

Современный санкционный ландшафт и дискурс, сопровождающий использование этого инструмента, усложняются. Наряду с развитыми странами ограничительные меры всё активнее вводят развивающиеся государства, а проблемы и последствия санкционной практики всё шире обсуждаются на различных площадках. В ряде исследований последних лет, посвященных позициям развивающихся стран по вопросам применения рестрикций и их санкционной политике в целом, данная тема также периодически освещается [Chauhan, 2021; Kapustin, Khabriev, 2019; Moret, 2021]. Вместе с тем комплексных исследований с анализом различных аспектов многослойного дискурса о санкциях в рамках БРИКС и динамики его развития нами не было обнаружено.

Данная статья в известной мере призвана заполнить этот пробел. Ее цель состоит в выявлении содержания, значения и динамики

дискурса об односторонних и международных санкциях² в рамках БРИКС. Эта тема особенно актуализируется с учетом возвращения в Белый дом Д. Трампа, развернувшего кампанию давления на БРИКС, дабы, по его словам, предостеречь эти государства от шагов по деолларизации³.

Отношение стран — участниц БРИКС к санкциям: отказаться нельзя применять

Отношение стран БРИКС, а именно Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР⁴, к применению односторонних и международных санкций определяется целым рядом внутренних и внешних детерминант.

Основопологающим фактором, формирующим позиции развивающихся стран по применению санкций, являются ценности и принципы, которые определяют их внешнюю политику и которые они отстаивают на международной арене. Прежде всего, страны БРИКС подчеркивают верховенство международного права, суверенное равенство всех государств и невмешательство во внутренние дела друг друга. Очевидно, что применение санкций, в первую очередь односторонних, служит инструментом вмешательства во внутренние дела других государств и средством давления на них с целью изменить их поведение. По сути, ретроспективный взгляд на глобальную политику санкций показывает, что эти меры применяли преимущественно развитые страны против развивающихся [см. подробнее: Hufbauer et al., 2007; Тимофеев, 2018]. Протест против этой практики и объединяет позиции стран БРИКС (формула — «отказаться, нельзя применять»).

² Международные, или многосторонние санкции (по терминологии ООН — «принудительные меры») вводятся Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) на основании главы VII ст. 41 ее Устава. Односторонние ограничительные меры применяются вне рамок ООН и вводятся отдельными странами или группами государств на основе собственного законодательства как в дополнение к международным санкциям, так и автономно.

³ Синев М. «Исключений не будет». Трамп введет пошлины за поддержку БРИКС // Газета.ru. 07.07.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/07/07/21333962.shtml?ysclid=mg0on48ked50275761> (дата обращения: 05.03.2026).

⁴ Поскольку новые страны БРИКС только с последних двух саммитов включились в работу неформального объединения, значительная часть данного раздела посвящена позиции первоначальных участников.

Важным фактором, детерминирующим отношение участников БРИКС к санкциям, является опыт пребывания (некоторые из них до сих пор находятся) под санкционным давлением. Так, ЮАР⁵ на протяжении значительной части своего существования в качестве независимого государства находилась под обширным режимом санкций, введенным их субъектами в целях борьбы с политикой апартеида. Разного рода ограничительные меры применяли страны Запада в отношении КНР⁶ и Индии⁷ как в период холодной войны, так и в постбиполярную эпоху. Можно отметить и спорадическое введение односторонних рестрикций, преимущественно со стороны США, против Бразилии⁸. В отношении СССР, затем и России также нередко использовались санкции, применялись жесткие меры экспортного контроля⁹. Современный период санкционного давления на Россию берет начало в 2014 г., значимым этапом в его эскалации стал 2022 г.

Официально выступая против односторонних ограничительных мер и отстаивая традиционные нормы международного права и принцип многосторонности, страны БРИКС подчеркивают легитимность санкций, вводимых Советом Безопасности (СБ) ООН.

Продолжающаяся полемика вокруг вопроса о правомерности односторонних санкций выявила глубокие расхождения в позициях развитых и развивающихся государств. Страны, оправдывающие применение таких мер, преимущественно государства Запада, указывают на то, что они вводятся в пределах их суверенных полномочий и направлены на защиту их интересов, прав человека, предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности [см. подробнее: Геворгян, 2012; Тимофеев, 2018]. Аргументы критиков, к числу которых относится большинство развивающихся стран, включают упомянутые тезисы о том, что односторонние санкции вводятся по политическим причинам, а не в ответ на неправомерные

⁵ Различные ограничительные меры начали вводиться с 1950–1960-х гг. Однако обязательный характер международные санкции стали носить с 1977 г. — после принятия резолюции СБ ООН. Действовали до 1994 г.

⁶ Например, деятельность ChinCom, санкции, введенные после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

⁷ Например, санкции США в 1965–1967 гг., 1971, 1978–1982, 1998–2001 гг.

⁸ Например, санкции США в 1962–1964 гг., 1977–1984, 1978–1981 гг.

⁹ Наиболее известные сюжеты их применения связаны с деятельностью Сосот, вводом советских войск в Афганистан в 1979 г. и принятием Акта Магнитского в 2012 г.

действия, подрывают авторитет многосторонних институтов, отрицательно сказываются на усилиях СБ ООН по поддержанию мира и безопасности, имеют деструктивные последствия [см. подробнее: Геворгян, 2012; Тимофеев, 2018].

Подход к санкциям также является важным элементом международного позиционирования государств БРИКС. Например, отношение Китая к автономным санкциям, во многом совпадающее с позицией большинства стран Глобального Юга, позволяет ему подчеркивать свою причастность к этой группе государств и солидарность с ними [см., например: Cai, 2021]. Индия на многосторонних площадках подтверждает свою приверженность защите интересов стран Глобального Юга и указывает на негативное воздействие односторонних санкций на них [см., например: Chauhan, 2021]. В целом можно констатировать высокую степень сходства подходов участников БРИКС к односторонним и международным санкциям. Эти подходы в свою очередь переключаются с отношением к ограничительным мерам большинства развивающихся государств.

По мере расширения БРИКС (с присоединением в 2024 г. Эфиопии, Египта, ОАЭ и Ирана, в 2025 г. — Индонезии и введением статуса государств-партнеров) проблема односторонних санкций становится всё более актуальной для объединения. Среди его новых членов (Иран), равно как и среди стран-партнеров (Беларусь, Куба), присутствуют государства, находящиеся под обширными санкциями. Для большинства других действующие на сегодняшний день санкционные режимы, в том числе вторичные рестрикции, в отношении третьих стран — союзников и партнеров — создают множество вызовов и проблем. Между тем примечательно, что, несмотря на отсутствие жестко фиксированных критериев членства в БРИКС, одним из условий является неучастие в санкционных кампаниях в обход СБ ООН против государств — членов объединения¹⁰.

Одновременно с этим в последние годы мы всё чаще наблюдаем, что развивающиеся страны демонстрируют возрастающую актив-

¹⁰ См., например: BRICS membership expansion guiding principles, standards, criteria and procedures // BRICS Information Centre. 2023. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/BRICS-Membership-expansion-guiding-principles-criteria-and-standards-2023.pdf> (accessed: 05.03.2026); Кулагин В. Кто может приехать на саммит БРИКС в Казани // Ведомости. 04.10.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/10/04/1066443-kto-mozhet-priehat-na-sammit-briks-v-kazani> (дата обращения: 05.03.2026).

ность в применении собственных рестрикций (формула — «отказаться нельзя, применять»).

Это можно объяснить тем, что помимо ценностей и принципов подходы стран БРИКС/БРИКС+ к применению санкций определяются также международной политической конъюнктурой, их объективным положением в глобальной экономической структуре. Так, обладая динамично развивающимися экономиками, растущими политическими и экономическими амбициями во многих регионах мира, ведущие незападные государства демонстрируют всё более активное применение санкционного инструментария как в качестве ответных мер, так и для обеспечения национальных интересов и безопасности. Однако их санкционная политика имеет ряд специфических черт, отличающих ее от подходов западных субъектов.

Во-первых, ключевой особенностью политики санкций развивающихся стран выступает императив защиты национальных интересов, которые они трактуют значительно уже, чем западные акторы [см. подробнее: Cai, 2021; Chauhan, 2021; Moret, 2021]. Введение ограничительных мер они рассматривают прежде всего как инструмент защиты суверенитета, территориальной целостности и экономических интересов, а не как средство продвижения универсальных ценностей и норм, навязывания своих требований третьим странам, что в большей мере присуще западной практике.

Во-вторых, наблюдается существенная дифференциация в выборе инструментария и характере автономных санкционных режимов. Практика применения односторонних рестрикций участников БРИКС и многих развивающихся государств, как правило, характеризуется меньшей продолжительностью действия ограничительных мер, что контрастирует с более долгосрочными санкционными кампаниями западных акторов. Кроме того, в качестве рестрикций обычно выступают ограничения на импорт и экспорт, сокращение или прекращение программ помощи, приостановление торговых соглашений, регулирование туристического потока, фитосанитарные меры, технические барьеры, создание бюрократических препятствий, бойкоты [см. подробнее: Ferguson, 2025; Reilly, 2012] и т. д. Применяемые ограничения¹¹, как правило, носят адресный характер, узко направлены на отдельные компании и отдельных лиц, что позволяет усилить сигнальный эффект этих мер, а также

¹¹ Это касается автономных ограничений.

вводить их с относительно низкими затратами и минимизировать неблагоприятное воздействие на подсанкционное государство, снижая вероятность ухудшения отношений с ним и его потенциального ответа¹².

Следующей отличительной особенностью санкционной практики развивающихся стран является имплицитный характер применения многих ограничительных мер. Такие государства, как Китай, Россия, Индия, не всегда открыто декларируют факт введения санкций, предпочитая задействовать неформальные механизмы давления [см. подробнее: Кашин и др., 2020; Chauhan, 2021; Ferguson, 2025; Moret, 2021]. Это позволяет исследователям говорить о таком феномене, как «санкции под другими названиями» (*sanctions by other names*) [Moret, 2021], т. е. меры, де-факто имеющие санкционный эффект, но формально не являющиеся таковыми. В их числе — нетарифные барьеры, приостановка переговоров, расплывчатые угрозы, отказ от закупок и др. [см. подробнее: Reilly, 2012]. С одной стороны, отчасти это обусловлено недостаточно разработанной национальной правовой базой, регламентирующей основания и порядок введения односторонних санкций. С другой стороны, данный подход позволяет их субъектам обеспечить определенную гибкость в ответ на меняющиеся конъюнктурные обстоятельства [см. подробнее: Moret, 2021; Reilly, 2012]. Кроме того, западные исследователи видят в нем возможность для развивающихся стран избежать репутационных издержек, «обвинений в лицемерии» в связи с применением односторонних рестрикций, противниками которых они официально являются [Ferguson, 2025].

Иначе говоря, введение неформальных мер позволяет правительствам развивающихся государств инициировать и прекращать их применение «тихо», оставляя себе свободу маневра. Использование же формальных рестрикций и официальное объявление таких решений происходят в сравнительно редких случаях, обычно продиктованных политической или стратегической целесообразностью, требующей демонстративного эффекта. Такие меры, как правило, являются реактивными и принимают форму контрсанкций в ответ на односторонние рестрикции, предполагаемое вмешательство в их

¹² Ghiretti F. How China imposes sanctions. A guide to the evolution of Beijing's new policy tool // Mercator Institute for China Studies (MERICS). 06.06.2023. URL: <https://merics.org/de/studie/how-china-imposes-sanctions> (accessed: 05.03.2026).

внутренние дела, недружественные акты или враждебные действия. Это можно наблюдать в отношениях данных государств со странами Запада: России — с 2014 г., Китая — с 2018 г. Однако более рельефно это просматривается в политике Москвы и Пекина с начала 2020-х гг., когда РФ и КНР стали шире использовать формальные рестрикции в виде контрсанкций. Причем в последние годы именно интенсификация применения ограничительных мер в отношении незападных стран способствовала активизации в них процессов формирования нормативно-правовой основы и механизмов противодействия зарубежным санкциям¹³. Однако можно констатировать продолжение практики неформального введения санкций этими государствами, несмотря на усилия по формализации законодательства.

Данная тенденция к расширению использования автономных санкций странами БРИКС сочетается с риторической критикой односторонних ограничительных мер, что свидетельствует о двойственности и одновременно прагматичности их подхода.

БРИКС и односторонние санкции

Понятие «санкции» вошло в официальный дискурс БРИКС с начала 2010-х гг., когда расширение масштабов применения односторонних рестрикций, в том числе вторичных, поставило данную проблему в центр внимания развивающихся стран и государств с формирующимся рынком. В Этеквинской декларации 2013 г. подчеркивалась обеспокоенность участников БРИКС угрозами применения в отношении Ирана «односторонних санкций»¹⁴ на фоне обострения проблемы его ядерной программы и усиления давления Запада на Тегеран. С этого момента одним из нарративов в рамках официального дискурса БРИКС стала озабоченность возрастающим использованием односторонних санкций против третьих стран — союзников и партнеров государств неформального объединения.

¹³ См. подробнее: Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.06.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/protivodeystvie-sanktsiyam-strategiya/> (дата обращения: 05.03.2026); Ghiretti F. How China imposes sanctions. A guide to the evolution of Beijing's new policy tool...

¹⁴ Этеквинская декларация и Этеквинский план действий (ЮАР, г. Дурбан, 27 марта 2013 г.) // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 27.03.2013. URL: <https://infobrics.org/ru/document/15/?ysclid=mg0рп0494u700683390> (дата обращения: 05.03.2026).

В последующем на саммитах и министерских встречах осуждалась данная практика в отношении более широкого круга стран, включая Иран и Сирию.

Анализ деклараций по итогам саммитов БРИКС/БРИКС+ позволяет отметить постепенное увеличение в них количества пунктов, в которых в той или иной форме и контексте упоминаются ограничительные меры (рис. 1), и выделить ряд ключевых нарративов в рамках многослойного дискурса о санкциях (рис. 2). Прежде всего, страны БРИКС/БРИКС+ подчеркивают «исключительные полномочия Совета Безопасности ООН по введению санкций»¹⁵ и осуждают применение в одностороннем порядке рестрикций, равно как и организацию военных интервенций, в «нарушение международного права и общепризнанных норм международных отношений»¹⁶. Подчеркивая легитимность санкций СБ ООН, участники БРИКС+ используют формулировки об односторонних ограничительных мерах как о «незаконных», «противоречащих международному праву», «дискриминационных и политически мотивированных практиках»¹⁷.

¹⁵ См., например: Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 09.09.2021. URL: <https://infobrics.org/ru/document/102/?ysclid=mg0ppm923h255738532> (дата обращения: 05.03.2026); Пекинская декларация XIV саммита БРИКС // Там же. 23.06.2022. URL: <https://infobrics.org/ru/document/99/?ysclid=mg0pqrqxr514988740> (дата обращения: 05.03.2026).

¹⁶ См., например: Форталезская декларация (Бразилия, г. Форталеза, 15 июля 2014 г.) // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 15.07.2014. URL: <https://infobrics.org/ru/document/20/?ysclid=mg0ps2s25w518535897> (дата обращения: 05.03.2026); VII саммит БРИКС, Уфимская декларация (Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 г.) // Там же. 09.07.2015. URL: <https://infobrics.org/files/pdf/56.pdf?ysclid=mg0q01sbpw775995809> (дата обращения: 05.03.2026); Декларация Гоа // Там же. 16.10.2016. URL: <https://infobrics.org/ru/document/86/?ysclid=mg0q4khkxk412665220> (дата обращения: 05.03.2026); Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС // HealthBRICS. 04.09.2017. URL: <https://health-brics.com/assets/files/syamsenskaya-deklaraciya-rukovoditelej-stran-briks.pdf?ysclid=mg0q5sl071163672212> (дата обращения: 05.03.2026).

¹⁷ См., например: Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 г. // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 23.08.2023. URL: <https://infobrics.org/ru/document/101/?ysclid=mg0q8mhluz119107197> (дата обращения: 05.03.2026); Казанская декларация БРИКС // Там же. 23.10.2024. URL: <https://infobrics.org/ru/document/100/?ysclid=mg0qadtooa797520880> (дата обращения: 05.03.2026);

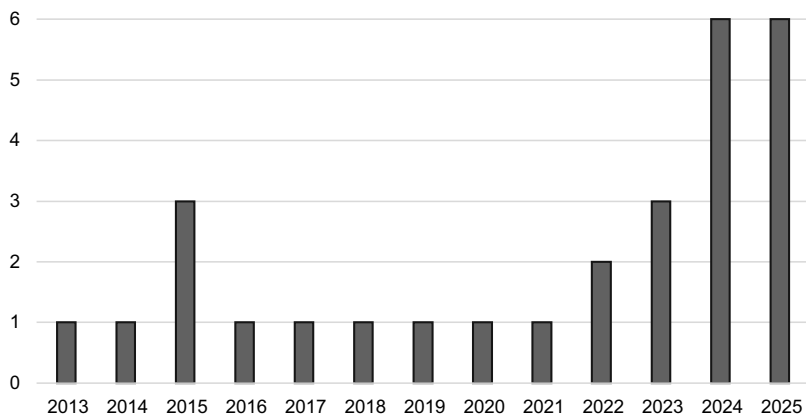

Рис. 1. Количество пунктов в итоговых декларациях саммитов БРИКС/БРИКС+, в которых упоминаются санкции, ограничительные меры, принудительные меры и т. п.

Источник: составлено автором по материалам деклараций саммитов БРИКС/БРИКС+ за 2013–2025 гг.

В декларациях констатируются негативные последствия односторонних санкций. Данная проблема в нескольких ее измерениях¹⁸ занимает центральное место в дискурсе о санкциях в БРИКС+. В первую очередь отмечается их многоплановое деструктивное воздействие «на мировую экономику, международную торговлю и достижение целей устойчивого развития»¹⁹. Подчеркивается, что односторонние ограничительные меры и вторичные санкции повышают риск дестабилизации миропорядка, приводят к нарушениям цепочек поставок и колебаниям цен на мировых рынках, создают препятствия для обеспечения продовольственной безопасности и тормозят экономический рост, особенно в развивающихся странах. Кроме того, подобные меры рассматриваются не только как пре-

Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления // Президент России. 06.07.2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).

¹⁸ Влияние односторонних рестрикций на мировую экономику и международные отношения в целом, на подсанкционное государство и его население, а также на третьи страны.

¹⁹ Казанская декларация БРИКС...

пятствующим развитию государств и их сотрудничеству, но и как углубляющие напряженность между ними²⁰.

Рис 2. Облако слов: пункты, посвященные санкционным вопросам, в декларациях саммитов БРИКС/БРИКС+

Источник: составлено автором по материалам деклараций саммитов БРИКС/БРИКС+ за 2013–2025 гг.

Особое внимание страны БРИКС/БРИКС+ уделяют вопросу негативного гуманитарного воздействия санкций. Отмечается их деструктивное влияние на права человека, в том числе право на развитие, и на население подсанкционных государств в целом. Подчеркивается, что данные рестрикции непропорционально затрагивают наиболее уязвимые группы людей, углубляя цифровой разрыв и усугубляя экологические проблемы²¹. Вопросы об односторонних ограничительных мерах и их неблагоприятном влиянии на фундаментальные права человека, непропорциональном воздействии на уязвимые слои населения подсанкционных государств тесно

²⁰ См., например: Казанская декларация БРИКС...; Декларация Рио-де-Жанейро...; BRICS expresses concern over unilateral sanctions // IRNA. 13.07.2024. URL: <https://en.irna.ir/news/85537548/BRICS-expresses-concern-over-unilateral-sanctions> (accessed: 05.03.2026).

²¹ Казанская декларация БРИКС...; Декларация Рио-де-Жанейро...

переплетаются в дискурсе развивающихся стран. Для иллюстрации остроты данной проблемы в декларациях неоднократно упоминалась социально-экономическая ситуация в Сирии²².

Таким образом, одним из важных нарративов в рамках дискурса является наносимый санкциями «сопутствующий ущерб» (*collateral damage*)²³ населению государства-объекта, а также третьим странам, особенно развивающимся²⁴. В частности, учащение в последние годы применения санкций, в том числе экстерриториальных, создало множество вызовов для развивающихся стран и продемонстрировало их уязвимость не только как прямых, но и как опосредованных объектов подобного давления. Являясь крупными экономиками и будучи плотно интегрированными в мировые хозяйственные связи, данные страны несут существенные издержки, связанные с расширением масштабов применения различных рестрикций. Это вызывает озабоченность, особенно на фоне интенсификации введения вторичных санкций. В этой связи важной частью дискурса о санкциях в рамках БРИКС/БРИКС+ является также их негативное воздействие на третьи страны.

Приверженность принципам суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела государств, верховенства права, взаимного уважения и сотрудничества представляет собой набор ценностей, на которых основывается БРИКС+ и которые он транслирует вовне. Этот ценностный код наряду с доминирующим нарративом о формировании справедливого, инклюзивного и равноправного многополярного миропорядка исключает использование односторонних санкций, «несовместимых с принципами Устава Организации Объединенных Наций» или «противоречащих» им²⁵.

²² См., например: VII саммит БРИКС, Уфимская декларация...; Казанская декларация БРИКС...

²³ Данный термин не встречается в декларациях саммитов БРИКС, но широко употребляется в научно-экспертном дискурсе.

²⁴ См., например: Йоханнесбургская декларация-II...; Декларация Рио-де-Жанейро...

²⁵ См., например: Йоханнесбургская декларация X саммита БРИКС // Президент России. 26.07.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5323> (дата обращения: 05.03.2026); Московская декларация XII саммита БРИКС // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 17.11.2020. URL: <https://infobrics.org/ru/document/97/?ysclid=mg0qmwdsdx0872471223> (дата обращения: 05.03.2026); Йоханнесбургская декларация-II...; Казанская декларация БРИКС...

Отстаивая многосторонний подход к международным отношениям и подчеркивая исключительные полномочия СБ ООН по введению рестрикций, страны БРИКС+ в декларациях 2021 и 2022 гг. внесли призыв к «дальнейшей консолидации и укреплению методов работы комитетов по санкциям Совета Безопасности ООН для обеспечения их действенности, оперативности и прозрачности»²⁶. В апреле 2022 г. под эгидой Китая состоялся Семинар по целевым финансовым санкциям, связанным с терроризмом и его финансированием. Это происходило параллельно с усилиями на уровне ООН, приведшими к принятию 9 декабря 2022 г. Советом Безопасности резолюции № 2664, которая предписывала включение в санкционные режимы ООН стандартизированных гуманитарных исключений²⁷. Данные шаги вписывались в более широкий комплекс мер, принимаемых в последние годы на международном и национальном уровнях в целях минимизации неблагоприятного воздействия ограничительных мер на население подсанкционных стран и содействия осуществлению в этих государствах гуманитарной деятельности [Оганисян, 2023]. Таким образом, страны БРИКС/БРИКС+ отмечают необходимость дальнейших усилий по совершенствованию санкций СБ ООН в сторону большей действенности, целенаправленности и соразмерности.

БРИКС, США и коллизии вокруг санкций:

чем сильнее желание, тем меньше вероятность его достичь²⁸?

В последние годы обострение международной напряженности и межгосударственного соперничества, сопровождаемого расширением применения односторонних и экстерриториальных санкций, протекционистских мер, всё острее показывает уязвимость многих развивающихся государств, включая страны БРИКС+. Беспрецедентная санкционная кампания против России, использование доллара США и системы SWIFT как средства давления (так называемая вепонизация доллара) только обострили эту проблему, в известной мере заставив многие страны, оказывающиеся под

²⁶ Нью-Делийская декларация...; Пекинская декларация...

²⁷ Резолюция 2664 (2022), принятая Советом Безопасности на его 9214-м заседании 9 декабря 2022 г. // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. 09.12.2022. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.03.2026).

²⁸ Закон Гамперсона.

прямым или опосредованным ударом, переоценить потенциальные риски для себя и относительно ускорив тренд на деолларизацию. Причем помимо Соединенных Штатов, с 2022 г. резко расширивших применение вторичных санкций на российском направлении, в этот период Евросоюз и Великобритания разработали правовые механизмы и стали активно использовать этот инструмент для противодействия Москве. Мишенями вторичных санкций западных субъектов являются также компании из отдельных стран БРИКС+, прежде всего КНР [см. подробнее: Тимофеев, 2025].

На саммитах БРИКС в Йоханнесбурге в 2023 г. и Казани в 2024 г. важная роль отводилась содействию использованию национальных валют в международной торговле и финансовых операциях между странами — участницами объединения и их партнерами, а также разработке платежных инструментов и платформ [см. подробнее: Прохоренко, 2024, 2025]. Следует отметить, что с первого саммита БРИКС сотрудничество в сфере экономики и финансов было одним из ключевых направлений взаимодействия стран, а совершенствование архитектуры глобального экономического управления — в числе приоритетных задач. С середины 2010-х гг. на данном треке были сформированы действующие институты, такие как Новый банк развития (НБР), Пул условных валютных резервов, а также разрабатываются новые инициативы: расчетно-платежная платформа «BRICS Bridge», электронная система междепозитарного взаимодействия «BRICS Clear» и т. д. Однако предпринимаемые инициативы носят неконфронтационный характер. Например, Пул условных валютных резервов и НБР появились как механизмы не альтернативные, а дополняющие существующие международные финансовые институты²⁹. Несмотря на объективную озабоченность санкциями, внимание к данной теме не было сосредоточено на противодействии им или их обходе³⁰.

Очевидно, что мотивации стран — участниц БРИКС+ в вопросе сотрудничества на финансово-экономическом направлении различаются. Для находящихся под обширными санкциями России и Ирана создание независимых от Запада платежных механизмов

²⁹ См., например: Форталезская декларация...; Йоханнесбургская декларация-II...

³⁰ Тимофеев И. Финансовые расчеты в рамках БРИКС: вперед, несмотря на проблемы // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 18.03.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/finansovye-raschyety-v-ramkakh-briks/> (дата обращения: 05.03.2026).

и платформ является приоритетной задачей. Другие же государства, включая Индию, ОАЭ и Египет, проявляют осторожность и сдержанность с учетом их отношений с западными странами и опасений подвергнуться вторичным санкциям. Например, не поддерживая практику односторонних и экстерриториальных санкций и не присоединившись к ней, многие развивающиеся страны вынуждены подстраиваться, стремясь к минимизации возможных рисков, что видно на примере их взаимодействия с Россией, Ираном и другими подсанкционными государствами. Точно так же и отказ НБР от участия в инвестициях в Россию после усиления санкционного давления на нее был вызван страхом перед ограничительными мерами и стремлением к митигации рисков. Иначе говоря, несмотря на некий флер антизападности вокруг объединения, в настоящий момент он просматривается лишь в риторике и практической политике отдельных его участников, для большинства же конфронтация с Западом неприемлема. Причем расширение БРИКС+ только усилило это размежевание³¹.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в 2025 г. создало определенные сложности для объединения и его стран-участниц, парадоксальным образом одновременно дав стимул для дальнейшего сотрудничества на финансово-экономическом треке. Еще в ноябре 2024 г. и затем после инаугурации Д. Трамп пригрозил 100% пошлинами, если страны БРИКС создадут альтернативу «могущественному доллару»³². На фоне саммита неформального объединения в Рио-де-Жанейро 6 июля Д. Трамп написал в своем аккаунте в «Truth Social», что «любая страна, присоединившаяся к антиамериканской политике БРИКС, столкнется с дополнительной пошлиной в 10%»³³.

В итоговой декларации саммита БРИКС+ в Рио-де-Жанейро 2025 г. нет конфронтационных формулировок, отсылок к США и проводимой администрацией Д. Трампа политике, но отмечена серьезная «озабоченность в связи с ростом односторонних тарифных

³¹ Оганисян Л. Запад — не Запад // BRICS+. 07.10.2024. URL: <https://bricsmagazine.com/analitika/issledovaniya/zapad-ne-zapad/?ysclid=mg0qo68ta0930360557> (дата обращения: 05.03.2026).

³² Овчинникова Ю., Полякова В. Кремль призвал разъяснить повестку БРИКС Трампу после слов о долларе // РБК. 31.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/01/2025/679c9a239a79472be5e1e326?ysclid=mg0r209kqi481594493> (дата обращения: 05.03.2026).

³³ Синев М. Указ. соч.

и нетарифных мер, которые искажают торговлю и не соответствуют правилам ВТО»³⁴. Вместе с тем шаги в направлении углубления экономического, торгового и финансового сотрудничества продолжались. Среди прочего в декларации приветствовались укрепление НБР, включая расширение его возможностей по финансированию в национальных валютах, направленность Механизма межбанковского сотрудничества на поиск приемлемых способов финансирования в национальных валютах, усилия в сфере взаимодействия в платежной сфере³⁵ и т. д.

Летом последовал новый виток давления со стороны Соединенных Штатов на страны БРИКС. В июле 2025 г., несмотря на положительное сальдо торгового баланса США с Бразилией, администрация Д. Трампа ввела новые тарифы в отношении страны, которые в дополнение к введенным в апреле составили 50%³⁶. Как отметил генеральный директор Российского совета по международным делам И.Н. Тимофеев, по сути, данные меры представляли собой полноценные санкции, одним из инструментов которых выступает повышение тарифов. В целом использование тарифов как санкционного механизма является отличительной особенностью политики администрации Д. Трампа³⁷. Введение пошлин стало ответом на судебное преследование бывшего президента Ж. Болсонару³⁸, обвиняемого в попытке государственного переворота, а также на действия бразильского правительства, ограничивающие американские социальные сети в стране. По мнению Белого дома, эта политика наносит ущерб американским компаниям, свободе слова американских граждан, внешней политике и экономике США³⁹. Кроме того,

³⁴ Декларация Рио-де-Жанейро...

³⁵ Там же.

³⁶ Executive Order 14323: Addressing Threats to the United States by the Government of Brazil // The White House. 30.07.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/07/addressing-threats-to-the-us/> (accessed: 05.03.2026).

³⁷ Тимофеев И. Санкции США: Бразилия под прицелом // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 04.08.2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-ssha-braziliya-pod-pritselom/> (дата обращения: 05.03.2026).

³⁸ Наряду с пошлинами США ввели санкции в отношении судьи Верховного суда Бразилии А. де Мораеса, который, как считают в Вашингтоне, использовал свои полномочия для подавления политической оппозиции. В отношении него Минфин США ввел санкции в рамках Глобального закона Магнитского 2016 г.

³⁹ Executive Order 14323: Addressing Threats to the United States by the Government of Brazil...

Вашингтон ввел 25% тарифы в отношении Индии и 30% — в отношении ЮАР⁴⁰. Однако уже в августе тарифы в отношении Индии были увеличены на 25% в качестве наказания за продолжающиеся закупки ею российской нефти⁴¹.

На этом фоне 8 сентября по инициативе президента Бразилии Луиса Инасиу Лулы да Силвы прошел внеочередной онлайн-саммит стран — участниц БРИКС+ для обсуждения торговой политики Д. Трампа. Встреча последовала за саммитом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на котором обсуждали необходимость обеспечить «упорядоченный многополярный мир», что включает поддержку свободной торговли и «более справедливой и разумной системы глобального управления»⁴². Несмотря на то что в своих заявлениях в открытой части (после нее состоялось закрытое обсуждение) лидеры стран БРИКС+ избегали упоминания США, по сути, главной темой саммита стала оценка стратегии действий в условиях торговой политики администрации Д. Трампа и применения (и угрозы применения) ею вторичных санкций. Открывший саммит президент Бразилии заявил: «... введение экстерриториальных мер угрожает нашим институтам, вторичные санкции ограничивают нашу свободу укреплять торговлю между дружественными странами»⁴³. В связи с этим он и лидеры других государств отметили важность сотрудничества в этих обстоятельствах в торгово-экономической, финансовой, инвестиционной и других сферах⁴⁴.

По сути, действия США, с одной стороны, способствуют увеличению политического веса БРИКС+. Расширение этого объединения, повысившее его значение, также вызвало дискуссии о его будущем,

⁴⁰ Executive Order 14326: Further Modifying the Reciprocal Tariff Rates // The White House. 31.07.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/07/further-modifying-the-reciprocal-tariff-rates/> (accessed: 05.03.2026).

⁴¹ Executive Order 14329: Addressing Threats to the United States by the Government of the Russian Federation // The White House. 06.08.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/08/addressing-threats-to-the-united-states-by-the-government-of-the-russian-federation/> (accessed: 05.03.2026).

⁴² Портякова Н. Миру меняют концепцию // Коммерсантъ. 01.09.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8006850?ysclid=mfz39t2ux6607493380> (дата обращения: 05.03.2026).

⁴³ Нефёдова А. Объединяй и властвуй: как БРИКС готовится дать отпор тарифам США // Известия. 08.09.2025. URL: <https://iz.ru/1951263/alena-nefedova/obedinyaj-i-vlastvuj-kak-briks-gotovitsya-dat-otpor-tarifam-ssha> (дата обращения: 05.03.2026).

⁴⁴ Там же.

вероятности стагнации его развития и потере ориентиров (которые и прежде были недостаточно четкими) в связи с разрозненными интересами возросшего числа участников и существующими противоречиями между ними⁴⁵ [см., например: Баваскар, 2024; Obajinmi, Garba, 2025]. Д. Трамп своими заявлениями и нападка на отдельные страны и объединение в целом может помочь эти самые ориентиры обрести. С другой стороны, эти действия подталкивают страны БРИКС+ к дальнейшей диверсификации своих внешнеэкономических и внешнеполитических связей, в том числе за счет укрепления двустороннего взаимодействия, а также могут стать для группы стимулом для дальнейшего углубления сотрудничества в финансово-экономической сфере, вызывающего такое беспокойство западных государств. В своей статье в «Project Syndicate» в августе 2025 г. Дж. О'Нил отметил, что действия Д. Трампа могут привести к диаметрально противоположным результатам, давая странам БРИКС+ и другим государствам более веский повод разрабатывать альтернативы западному мировому порядку⁴⁶. Иначе говоря, своими действиями он рискует форсировать процессы, против которых сам же борется.

Однако следует оговориться: несмотря на то что направление движения на финансово-экономическом треке задано, эти процессы идут поступательно и не имеют антиамериканской направленности. Представляется, что эти шаги стран БРИКС+, среди прочего, несут скорее сигнальный характер и нацелены на демонстрацию своей готовности проводить независимый курс и отстаивать свои интересы. Также они мотивированы различными внутренними и внешними факторами⁴⁷. Отдельные призывы выработать механизм противо-

⁴⁵ См., например: Королёв А. To BRICS, or not to BRICS: будущее объединения после расширения // Российский совет по международным делам. 15.10.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/to-brics-or-not-to-brics-budushchee-obedineniya-posle-rasshireniya/> (дата обращения: 05.03.2026).

⁴⁶ O'Neill J. Is Trump a BRICS secret agent? // Project Syndicate. 19.08.2025. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-trade-war-alienating-friends-and-going-easy-on-adversaries-by-jim-o-neill-2025-08> (accessed: 05.03.2026).

⁴⁷ Например, для Индии вопрос закупки российских энергоносителей имеет стратегическое значение, в Бразилии введение ограничений со стороны США усилило националистические и антиамериканские настроения, укрепив позиции президента Лулы да Силвы.

действия санкциям в рамках БРИКС несут маргинальный характер⁴⁸, в рамках группы вопросы совместного противодействия рестрициям и их обхода по-прежнему не ставятся. Учитывая разнообразие интересов участников, сложную динамику их взаимоотношений и, что более существенно, специфику их связей с США и странами Европы, на сегодняшний день говорить об их готовности выступать единым фронтом против односторонних санкций Запада и тем более противодействовать им не приходится.

В этом смысле существует принципиальное различие между БРИКС и клубом западных демократий — «Группой семи», являющейся одним из важнейших форумов для координации санкционных режимов его стран-участниц. Наиболее рельефно беспрецедентный уровень такой координации можно наблюдать на примере ограничительных мер против России, введенных с февраля 2022 г. Среди предпринятых в рамках «Группы семи» усилий — установление в 2022 г. ценового потолка на российскую нефть и создание в 2023 г. Механизма координации соблюдения санкций (Enforcement Coordination Mechanism)⁴⁹, выпустившего в 2024 г. первое Руководство по предотвращению уклонения от санкций и экспортного контроля в отношении России⁵⁰. Таким образом, «Группа семи» является не только площадкой для обсуждения подходов к санкциям и декларации позиций стран-участниц, как БРИКС, но и форумом для координации своих усилий с целью повышения эффективности принимаемых мер. Впрочем, этот сюжет заслуживает отдельного рассмотрения, особенно с учетом политики администрации Д. Трампа. Тем не менее это не отменяет того, что в вопросах санкционной политики БРИКС+ демонстрирует способность влиять на глобальный дискурс и распространять свою интерпретацию в качестве одного из ключевых нарративов.

⁴⁸ Например, на онлайн-саммите в сентябре 2025 г. к этому вновь призывал Иран. См. подробнее: Нефедова А. Указ. соч.

⁴⁹ Nardelli A., Jacobs J. G-7 set to create new tool to bolster enforcement of Russia sanctions // Bloomberg. 22.02.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-22/g-7-readies-new-tool-to-bolster-enforcement-of-russia-sanctions> (accessed: 05.03.2026).

⁵⁰ Sarhan A. et al. G7 guidance published on Russian sanctions evasion // DLA Piper (United States). 02.10.2024. URL: <https://www.dlapiper.com/en-us/insights/publications/2024/10/g7-guidance-published-on-russian-sanctions-evasion> (accessed: 05.03.2026).

* * *

Проблематика санкционного давления вызывает значительный резонанс в большинстве развивающихся стран. Ценности и принципы, отстаиваемые ими на международной арене, богатый опыт пребывания в роли подсанкционных стран и общность подходов к трансформации миропорядка определили отношение этих государств к санкциям и взгляды, продвигаемые ими в организациях и объединениях, участниками которых они являются. Одним из таких объединений стал БРИКС/БРИКС+, в рамках которого более десятилетия неизменно поднимаются различные вопросы, связанные с использованием односторонних санкций. Хотя нарративы о санкциях не являются центральными в рамках БРИКС/БРИКС+, в последние годы наблюдаются всё более частое их упоминание в итоговых декларациях и обозначение позиции стран объединения по поводу их применения.

В рамках формата сложилась система довольно устойчивых представлений о различных вопросах современной санкционной политики. Несмотря на некоторые расхождения по отдельным аспектам политики санкций, которые порой возникают, предателей «клубных» интересов не наблюдается, а позиции стран-участниц вписываются в общую палитру преобладающих в БРИКС+ настроений. Так, страны подчеркивают легитимность международных санкций и выступают против применения односторонних ограничительных мер, отмечая их многоаспектные деструктивные последствия. В условиях усиления межгосударственного соперничества и расширения использования односторонних рестрикций БРИКС+ постулирует иной, отличный от западного, взгляд на различные аспекты политики санкций. Однако формулировки по данной проблематике носят неконфронтационный характер, а трактовки тех или иных санкционных сюжетов отражают свой (традиционный для объединения) набор ценностей.

В условиях меняющегося геополитического ландшафта данный подход стран БРИКС+ сосуществует с тенденцией к расширению использования развивающимися государствами автономных санкций, что свидетельствует о двойственности и одновременно прагматичности их подхода. Прагматизм этих стран также проявляется в адаптивном поведении в условиях возрастающих рисков вторичных санкций.

Однако в БРИКС+ позиции по этим вопросам не выходят за рамки деклараций, а предпринимаемые меры на финансово-экономическом треке не представляют собой попытки противодействия санкционным кампаниям западных стран. При этом усиление давления со стороны США, наметившееся в последние годы, повышает вероятность интенсификации сотрудничества стран на этом направлении с целью снизить их потенциальную уязвимость перед лицом американских санкций. Впрочем, как представляется, в отсутствие экстраординарных вызовов эти усилия скорее будут носить поступательный (эволюционный) характер в силу специфики объединения и политики его участников. Тем не менее БРИКС+ предлагает свое альтернативное прочтение современной санкционной политики. Позиция группы относительно односторонних санкций, несомненно, вносит свой вклад в дискурс о трансформации миропорядка и построении подлинной многосторонности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2, № 4 (8). С. 56–84. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-4-56-84.
2. Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 91–106.
3. Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 8–23. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.02.
4. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024.
5. Кошкарова Н.Н., Солопова О.А., Чудинов А.П. На пути к многополярному миру: метафоры в декларациях саммитов БРИКС // Полис. Политические исследования. 2025. № 3. С. 113–124. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.08.
6. Лисоволик Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 138–148. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148.
7. Новикова И.Н., Алексеева Е.В. Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения «БРИКС» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. № 2 (859). С. 44–52.

8. Оганисян Л.Д. Гуманитарная помощь под санкциями: от постановки проблемы к поискам решений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 2. С. 116–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152.

9. Панова В.В. БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Обозреватель. 2013. № 1 (276). С. 39–53.

10. Прохоренко И.Л. БРИКС: итоги председательства ЮАР и решение о расширении состава участников // Год планеты: Ежегодник / под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьёва. М.: Идея-Пресс, 2024. С. 107–114.

11. Прохоренко И.Л. Итоги председательства России в БРИКС // Год планеты: Ежегодник / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьёва. М.: Идея-Пресс, 2025. С. 111–118.

12. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Доброе братство лучше богатства: семейная метафора в дискурсах стран БРИКС // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 4. С. 39–54. DOI: 10.31429/26190567-25-4-39-54.

13. Тимофеев И.Н. Вторичные санкции на российском направлении: опыт США, ЕС и Британии // Современная Европа. 2025. № 4. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0201708325040011.

14. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.

15. Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 2. С. 97–112.

16. Хейфец Б.А. БРИК: миф или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 72–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-9-72-80.

17. Хейфец Б.А. БРИКС плюс — закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики // Общество и экономика. 2024. № 1. С. 109–121. DOI: 10.31857/S0207367624010093.

18. Andal A.G.T., Muratshina K.G. Adjunct rather than alternative in global governance: an examination of BRICS as an international bloc through the perception of its members // Social Science Information. 2022. Vol. 61, No. 1. P. 77–99. DOI: 10.1177/05390184211068012.

19. BRICS and global governance / ed. by J. Kirton, M. Larionova. London: Routledge, 2018.

20. Cai C. China's position and practice concerning unilateral sanctions // Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions / ed. by Ch. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2021. P. 70–89.

21. Chauhan R. From pessimism to accommodation: India's stand and practice on unilateral sanctions // Research handbook on unilateral and

extraterritorial sanctions / ed. by Ch. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2021. P. 55–69.

22. Cooper A.F., Farooq A.B. BRICS and the privileging of informality in global governance // *Global Policy*. 2013. Vol. 4, No. 4. P. 428–433. DOI: 10.1111/1758-5899.12077.

23. Ferguson V.A. Putting your money where your mouth is not: China and Russia's implementation of economic sanctions // *Journal of Global Security Studies*. 2025. Vol. 10, No. 3. P. 1–21. DOI: 10.1093/jogss/ogaf010.

24. Hufbauer G.C., Shott J.J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic sanctions reconsidered*. Washington, D.C.: Peter G. Peterson Institute for International Economics, 2007.

25. Kapustin A., Khabriev B. Unilateral sanctions — a vestige of a unipolar world: the conceptualization of the legal position of the BRICS countries // *BRICS Law Journal*. 2019. Vol. 6, No. 4. P. 67–94. DOI: 10.21684/2412-2343-2019-6-4-67-94.

26. Moret E. Unilateral and extraterritorial sanctions in crisis: implications of their rising use and misuse in contemporary world politics // *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions* / ed. by Ch. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2021. P. 19–36.

27. Nayyar D. BRICS, developing countries and global governance // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37, No. 4. P. 575–591.

28. Obajinmi O.J., Garba D. BRICS expansion and its challenges to the global economic order // *FUDMA Journal of Humanities, Social Science and Creative Arts*. 2025. Vol. 1. P. 80–88. DOI: 10.70882/fujohssaca.2025.v1(AHBSI).10.

29. Reilly J. China's unilateral sanctions // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35, No. 4. P. 121–133. DOI: 10.1080/0163660X.2012.726428.

30. Stuenkel O. *The BRICS and the future of global order*. Lanham: Lexington, 2015.

31. Thakur R. How representative are BRICS? // *Third World Quarterly*. 2014. Vol. 35, No. 10. P. 1791–1808. DOI: 10.1080/01436597.2014.971594.

32. Van Noort C. The construction of power in the strategic narratives of the BRICS // *Global Society*. 2019. Vol. 33, No. 4. P. 462–478. DOI: 10.1080/13600826.2019.1581733.

33. Wang W., Long C. A new era of «greater BRICS cooperation»: the future of the world and China's role // *BRICS Journal of Economics*. 2024. Vol. 5, No. 4. P. 37–54. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e129530.

REFERENCES

1. Bavaskar, R. (2024) 'BRICS v perekhodnyi period: kriticheskii analiz vozmozhnostei i problem v ramkakh formiruyushchegosya global'nogo poriyadka' [BRICS in transition: a critical analysis of opportunities and challenges within an

emerging global order], *Contemporary World Economy*, 2(4), pp. 56–84. Available at: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-56-84>. (In Russian.)

2. Gevorgyan, K.G. (2012) “Odnostoronnie sanktsii” i mezhdunarodnoe pravo’ [“Unilateral sanctions” and international law], *The International Affairs*, (8), pp. 91–106. (In Russian.)

3. Dynkin, A.A. (2024) ‘Transformatsiya mirovogo poryadka: ekonomika, ideologiya, tekhnologii’ [World order transformation: economy, ideology, technology], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), pp. 8–23. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>. (In Russian.)

4. Kashin, V.B., Pyatachkova, A.S. and Krashennnikova, L.S. (2020) ‘Kitayskaya politika v sfere primeneniya ekonomicheskikh sanktsii: teoriya i praktika’ [Chinese economic sanctions policy: theory and practice], *Comparative Politics Russia*, 11(2), pp. 123–138. Available at: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024>. (In Russian.)

5. Koshkarova, N.N., Solopova, O.A. and Chudinov, A.P. (2025) ‘Na puti k mnogopolyarnomu miru: metafory v deklaratsiyakh sammitov BRIKS’ [On the way to a multipolar world: metaphors in the BRICS summits declarations], *Polis. Political Studies*, (3), pp. 113–124. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.03.08>. (In Russian.)

6. Lisovolik, Ya.D. (2023) ‘BRIKS+ kak novaya sila v global’nom upravlenii’ [BRICS-Plus: the new force in global governance], *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 138–148. Available at: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148>. (In Russian.)

7. Novikova, I.N. and Alekseeva, E.V. (2025) ‘Ispol’zovanie termina “Global’nyi Yug” v diskurse ob’edineniya “BRIKS”’ [Usage of the term ‘Global South’ in the BRICS discourse], *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, (2), pp. 44–52. (In Russian.)

8. Oganisyan, L.D. (2023) ‘Gumanitarnaya pomoshch’ pod sanktsiyami: ot postanovki problemy k poiskam reshenii’ [Humanitarian aid under sanctions: from the problem statement to the search for solutions], *Lomonosov World Politics Journal*, 15(2), pp. 116–152. Available at: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152>. (In Russian.)

9. Panova, V.V. (2013) ‘BRIKS: problemy vzaimodeistviya i potentsial sotrudnichestva’ [BRICS: problems of interaction and potential for cooperation], *Observer*, (1), pp. 39–53. (In Russian.)

10. Prokhorenko, I.L. (2024) ‘BRIKS: itogi predsedatel’stva YuAR i reshenie o rasshirenii sostava uchastnikov’ [BRICS: the outcome of the South African chairmanship and decision on membership expansion], in V.G. Baranovskii and E.G. Solov’ev (eds) *God planety: Ezhegodnik* [Year of the planet: yearbook]. Moscow: Ideya-Press Publ., pp. 107–114. (In Russian.)

11. Prokhorenko, I.L. (2025) ‘Itogi predsedatel’stva Rossii v BRIKS’ [Results of Russia’s BRICS presidency], in V.G. Baranovskii and E.G. Solov’ev (eds) *God*

planet: Ezhegodnik [Year of the planet: yearbook]. Moscow: Ideya-Press Publ., pp. 111–118. (In Russian.)

12. Solopova, O.A. and Koshkarova, N.N. (2024) 'Dobroe bratstvo luchshe bogatstva: semeinyaya metafora v diskursakh stran BRIKS' [Good brotherhood is the best wealth: family metaphor in BRICS' discourses], *South-Russian Journal of Social Sciences*, 25(4), pp. 39–54. Available at: <https://doi.org/10.31429/26190567-25-4-39-54>. (In Russian.)

13. Timofeev, I.N. (2025) 'Vtorichnye sanktsii na rossiiskom napravlenii: opyt SSHa, ES i Britanii' [The US, the UK and the EU secondary sanctions related to Russia: comparative analysis], *Contemporary Europe*, (4), pp. 5–17. Available at: <https://doi.org/10.31857/S0201708325040011>. (In Russian.)

14. Timofeev, I.N. (2018) 'Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe ponyatie' [Economic sanctions as a concept of power politics], *MGIMO Review of International Relations*, (2), pp. 26–42. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42>. (In Russian.)

15. Toloraya, G.D. and Chukov, R.S. (2016) 'Rasschityvat' li na BRIKS?' [BRICS to be considered?], *International Organisations Research Journal*, 11(2), pp. 97–112. (In Russian.)

16. Kheifets, B.A. (2010) 'BRIK: mif ili real'nost'?' [BRIC: myth or reality?], *World Economy and International Relations*, (9), pp. 72–80. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-9-72-80>. (In Russian.)

17. Kheifets, B.A. (2024) 'BRIKS plyus — zakonomernyi rezul'tat nakopitel'noi integratsii v usloviyakh geopoliticheskoi fragmentatsii mirovoi ekonomiki' [BRICS Plus is a natural outcome of cumulative integration in the context of geopolitical fragmentation of the world economy], *Society and Economics*, (1), pp. 109–121. Available at: <https://doi.org/10.31857/S0207367624010093>. (In Russian.)

18. Andal, A.G.T. and Muratshina, K.G. (2022) 'Adjunct rather than alternative in global governance: an examination of BRICS as an international bloc through the perception of its members', *Social Science Information*, 61(1), pp. 77–99. Available at: <https://doi.org/10.1177/05390184211068012>.

19. Kirton, J. and Larionova, M. (eds) (2018) *BRICS and global governance*. London: Routledge.

20. Cai, C. (2021) 'China's position and practice concerning unilateral sanctions', in Beaucillon, Ch. (ed.) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., pp. 70–89.

21. Chauhan, R. (2021) 'From pessimism to accommodation: India's stand and practice on unilateral sanctions', in Ch. Beaucillon (ed.) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., pp. 55–69.

22. Cooper, A.F. and Farooq, A.B. (2013) 'BRICS and the privileging of informality in global governance', *Global Policy*, 4(4), pp. 428–433. Available at: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12077>.

23. Ferguson, V.A. (2025) 'Putting your money where your mouth is not: China and Russia's implementation of economic sanctions', *Journal of Global Security Studies*, 10(3), pp. 1–21. Available at: <https://doi.org/10.1093/jogss/ogaf010>.

24. Hufbauer, G.C., Shott, J.J., Elliott, K.A. and Oegg, B. (2007) *Economic sanctions reconsidered*. Washington, D.C.: Peter G. Peterson Institute for International Economics.

25. Kapustin, A. and Khabriev, B. (2019) 'Unilateral sanctions — a vestige of a unipolar world: the conceptualization of the legal position of the BRICS countries', *BRICS Law Journal*, 6(4), pp. 67–94. Available at: <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2019-6-4-67-94>.

26. Moret, E. (2021) 'Unilateral and extraterritorial sanctions in crisis: implications of their rising use and misuse in contemporary world politics', in Ch. Beaucillon (ed.) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., pp. 19–36.

27. Nayyar, D. (2016) 'BRICS, developing countries and global governance', *Third World Quarterly*, 37(4), pp. 575–591.

28. Obajinmi, O.J. and Garba, D. (2025) 'BRICS expansion and its challenges to the global economic order', *FUDMA Journal of Humanities, Social Science and Creative Arts*, 1, pp. 80–88. Available at: [https://doi.org/10.70882/fujohssaca.2025.v1\(AHBSI\).10](https://doi.org/10.70882/fujohssaca.2025.v1(AHBSI).10).

29. Reilly, J. (2012) 'China's unilateral sanctions', *The Washington Quarterly*, 35(4), pp. 121–133. Available at: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726428>.

30. Stuenkel, O. (2015) *The BRICS and the future of global order*. Lanham: Lexington.

31. Thakur, R. (2014) 'How representative are BRICS?', *Third World Quarterly*, 35(10), pp. 1791–1808. Available at: <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.971594>.

32. Van Noort, C. (2019) 'The construction of power in the strategic narratives of the BRICS', *Global Society*, 33(4), pp. 462–478. Available at: <https://doi.org/10.1080/13600826.2019.1581733>.

33. Wang, W. and Long, C. (2024) 'A new era of "greater BRICS cooperation": the future of the world and China's role', *BRICS Journal of Economics*, 5(4), pp. 37–54. Available at: <https://doi.org/10.3897/brics-econ.5.e129530>.

Статья поступила в редакцию 27.09.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025;
принята к публикации 03.01.2026

The paper was submitted 27.09.2025;
approved after reviewing 03.12.2025;
accepted for publication 03.01.2026